

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА И ЛИТЕРАТУРЫ НАРОДОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ/RUSSIAN LITERATURE AND LITERATURE OF THE PEOPLES OF THE RUSSIAN FEDERATION

DOI: <https://doi.org/10.60797/IRJ.2026.172.94> EDN: LEJLMU

ИСКУССТВО УЧИТЬ ЧИТАТЬ: ПОЭТИКА КНИГ ДЛЯ ПЕРВОНАЧАЛЬНОГО ЧТЕНИЯ В РОССИИ КОНЦА XVI – СЕРЕДИНЫ XIX ВВ.

Научная статья

Дегтярева И.А.^{1,*}

¹ ORCID : 0009-0005-2855-857X;

¹ Совместный российско-китайский университет «Университет МГУ-ППИ в Шэньчжэнь», Шэньчжэнь, Китай

* Корреспондирующий автор (degtrina[at]yandex.ru)

Предложена: 05.09.2026; Принята: 29.09.2026; Опубликовано: 16.10.2026

Аннотация

В статье в литературоведческом аспекте рассматривается эволюция русской азбуки XVI – XIX вв. Традиционно азбуки и буквари изучались в педагогике и лингводидактике, и это исключало рассмотрение их художественной ценности. Цель исследования — доказать статус книг по обучению чтению второй половины XIX в. как самостоятельных явлений литературы, заложивших основы русской детской прозы. Материалом исследования являются тексты учебных пособий «Родное слово» К.Д. Ушинского и «Азбука» Л.Н. Толстого. Методологическую основу составляют историко-литературный анализ, исследование способов повествования и поэтики жанра. В результате работы выявлены две художественные парадигмы: педагогический метод К.Д. Ушинского, основанный на единстве фольклорного содержания и дидактики, и толстовская лаборатория реалистической миниатюры, характеризующаяся психологизмом, синтаксической экономией и встроенным в сюжет приемом непрямого нравоучения.

Автор доказывает, что данные пособия трансформировали процесс чтения в акт художественного восприятия и этического осмысления. Автор статьи предполагает, что книги К.Д. Ушинского и Л.Н. Толстого повлияли на формирование приемов построения повествования, жанровую систему и читательскую перцепцию в отечественной детской прозе XIX–XX вв. Практическая значимость работы заключается в возможности применения полученных выводов в университетских курсах по истории отечественной словесности и теории детской книги, а также в современной методике преподавания, для выработки навыков осмысленного учебного чтения.

Ключевые слова: русский букварь и русская азбука, детская литература, поэтика учебной книги, повествовательные приемы, нравственное содержание, К.Д. Ушинский, Л.Н. Толстой, эволюция жанра.

THE ART OF TEACHING TO READ: THE POETICS OF PRIMARY READING BOOKS IN RUSSIA FROM THE LATE XVI TO THE MID-XIX CENTURIES

Research article

Degtyareva I.A.^{1,*}

¹ ORCID : 0009-0005-2855-857X;

¹ Shenzhen MSU-BIT University, Shenzhen, China

* Corresponding author (degtrina[at]yandex.ru)

Suggested: 05.09.2026; Accepted: 29.09.2026; Published: 16.10.2026

Abstract

The article examines the evolution of the Russian alphabet from the XIV to the XIX centuries from a literary perspective. Traditionally, alphabets and spelling books have been studied within the fields of pedagogy and language teaching, which has precluded any consideration of their literary merit. The aim of the study is to demonstrate that books on teaching reading from the second half of the XIX century constitute independent literary phenomena, which laid the foundations for Russian children's prose. The research material consists of the texts of the teaching aids "Rodnoe Slovo" by K.D. Ushinsky and "Azбука" by L.N. Tolstoy. The methodological framework is based on historical-literary analysis, an analysis of narrative techniques, and the poetics of the genre. The work identified two artistic paradigms: K.D. Ushinsky's pedagogical method, based on the unity of folkloric content and didactics; and Tolstoy's 'laboratory' of realistic miniatures, characterised by psychological depth, syntactic economy and the technique of indirect moral instruction woven into the plot.

The author argues that these textbooks transformed the process of reading into an act of artistic perception and ethical reflection. The author of the article suggests that the books by K.D. Ushinsky and L.N. Tolstoy influenced the development of narrative techniques, the genre system and readers' perception in Russian children's prose of the XIX–XX centuries. The practical significance of the work lies in the possibility of applying the findings to university courses on the history of Russian literature and the theory of children's literature, as well as to contemporary teaching methods, with a focus on developing skills in meaningful academic reading.

Keywords: Russian spelling book and Russian alphabet, children's literature, poetics of the textbook, narrative techniques, moral content, K.D. Ushinsky, L.N. Tolstoy, evolution of the genre.

Введение

История русской азбуки периода конца XVI – середины XIX вв. представляет собой сложный процесс эволюции учебного текста в национальной культуре. На протяжении трех столетий азбука существовала как часть образовательного процесса и не рассматривалась как объект научного изучения. Тем не менее, постепенно происходило изменение жанра пособий по обучению чтению от катехизисных букварей московского времени к светским учебникам эпохи Российского Просвещения [5]. Сам же феномен азбуки как объекта специального гуманитарного изучения сформировался значительно позже — лишь в конце XIX в., когда историко-педагогические, лингвистические и книговедческие исследования впервые обратились к системному анализу ранних учебных изданий. Изучение азбук и букварей как феномена культуры связано с именами В.М. Ундольского, в работе которого «Очерк славяно-русской библиографии» учебные тексты каталогизированы в контексте эволюции литературного языка и жанровой системы [11], А.И. Миловидова, представляющего списки букварей как изданий народной педагогики [6] — а также некоторых других авторов.

Начало XX века стало временем реформ в области преподавания русского языка и литературы. Продолжилось исследование типологии учебных книг по родной словесности, однако учебники рассматривались преимущественно как способ реконструкции методики обучения грамоте. Такая направленность, плодотворная для педагогики и библиографии, все же ограничивала объект изучения: повествовательные и художественные приемы оставались вне границ литературоведческого анализа. Изменение исследовательского подхода оказалось связанным с изменением способа интерпретации обучающих текстов. Н.Б. Мечковская отмечала способность учебного текста функционировать как самостоятельное литературное явление [4], и мы полагаем, что именно изменения в композиции, содержании текстов русских букварей и азбук второй половины XIX века способствовали этому: данные издания стали рассматриваться не только как педагогический инструмент, но и как значимое явление художественной словесности. «Родное слово» К.Д. Ушинского [12] и «Азбука» Л.Н. Толстого [10] озаменовали принципиальный рубеж: учебное пособие впервые обрело черты текста художественной литературы — с выражением авторской позиции, жанровым разнообразием, системой образов. Чтение в этих азбуках становилось не только процессом освоения родного языка, но и обучением умению воспринимать художественное слово.

Методы и принципы исследования

В настоящей работе автор обращается к описательным и сравнительным методам анализа, исследуя пособия по обучению чтению в России конца XVI – второй половины XIX века в контексте литературоведческого анализа. Учебники К.Д. Ушинского и Л.Н. Толстого рассматриваются как художественные антологии, заложившие основы поэтики русской прозы для детей. Объектом анализа оказываются повествовательные приемы, сочетания различных жанровых форм, стилистики и механизмов формирования самостоятельной позиции читателя — аспекты, которые ранее изучались преимущественно на материале детской литературы крупной формы, но не применялись к учебному тексту. Постепенное формирование читательской точки зрения подтверждается не только структурой текста, но и историческими свидетельствами читательского «проживания» сюжета, например, детскими маргиналиями в экземплярах «Родного слова» (указывающими на активное, увлеченное чтение книги ребенком) [8].

Методологическую основу статьи составляет историко-литературный анализ, а также современные подходы к изучению детской литературы как самостоятельного культурно значимого явления. Согласно мысли О.С. Октябрьской о жанровой автономии детской прозы и объединении в ней дидактического и художественного начал, подобный подход позволяет преодолеть искусственное разделение содержания на «обучающее» и «эстетически ценное» и продемонстрировать, как в рамках азбучной традиции формировались общественные литературные вкусы, впоследствии определившие развитие русской реалистической прозы. В историческом обзоре предшествующих традиций автор отмечает: «Большой демократизм в выборе тем и проблем, в подаче героя проявляется во второй половине XIX в. Преобладание социальных мотивов, усиление дидактического аспекта, коррекция традиционных жанров детской литературы характеризует эту литературу. ... Эта эпоха выдвинула ряд блестящих педагогов и писателей, философски осмысливших феномен детства, – К.Д. Ушинского, Л.Н. Толстого, В.П. Острогорского, Л.Н. Модзалевского и др., которые подошли к актуальным проблемам воспитания с позиций возрастной психологии» [7, С. 9]. Обращение к пособиям Ушинского и Толстого как к крупным явлениям русской литературы не только расширяет предметное поле филологии, но и возвращает в науку тексты, которые на протяжении полутора веков формировали национальное читательское сознание, оставаясь при этом на периферии литературоведческого анализа.

Осмысление ценностно-нормативного подхода предполагает обращение к историческому, литературному контексту эпохи, в котором русская азбучно-букварная книга эволюционировала от функционального инструмента обучения первоначальной грамоте к самостоятельному явлению художественной словесности. Отправным моментом данной многовековой эволюции стало XVI столетие, заложившее первые культурно-исторические предпосылки для постепенного преодоления отношения к пособию по обучению чтению как исключительно утилитарному инструменту.

Начиная с XVI в. на Руси постепенно перестраивалась образовательная модель: символическое восприятие мира дополнялось логическим. Именно в этот период складывается новая типология учебной книги, в которой педагогическая функция органично сочетается с художественной и культурно-просветительской. Владение грамотой обретало самостоятельную ценность, что выражалось в возникновении новых педагогических жанров, представленных как в рукописных сводах, так и в первопечатных изданиях.

На смену одностраничным «азбучным листкам» с перечнем букв пришли сброшюрованные буквари. В 1574 г. Иван Федоров выпустил первое печатное пособие такого типа, ориентированное на обучение чтению церковнославянских текстов словослагательным методом. Издание содержало параллельные столбцы кириллических

и греческих литер, таблицы слогов, гравюры, основы грамматики, цифирь. Финальную часть занимали фрагменты текстов Священного Писания, служившие инструментом раннего формирования христианско-нравственного мировоззрения у юных читателей.

Нравоучительная направленность русской азбучно-букварной традиции сохранялась до конца XVIII в. — вплоть до появления в 1720 г. «Букваря» Феофана Прокоповича и его последующих переизданий. Делая акцент на нравственном воспитании, ученый, сподвижник Петра I, архиепископ Новгородский Феофан Прокопович вывел начальное обучение за рамки механического заучивания материала. Дополняя религиозные тексты пояснительными комментариями, педагог сформировал новый методический принцип, согласно которому чтение служило инструментом осмысленного усвоения материала и развития самостоятельного мышления.

Эпоха Российского Просвещения значительно повлияла на эволюцию русских азбук и букварей. Освобождение культуры от влияния церкви, рационализм петровских реформ вели к тому, что грамотность постепенно становилась социальным навыком, необходимым для государственной службы и научной деятельности. В «Азбуке» Ф. Прокоповича и ее позднейших переработках XVIII в. усилился дидактизм, при этом художественно-литературная ценность текста оставалась подчиненной воспитательной задаче. Ввод в композицию новых жанров — басен, притч, стихотворных наставлений — свидетельствовал о попытках использовать художественное слово в образовательных целях, но его эстетическое значение еще не обрело самостоятельности.

Рубеж XVIII–XIX вв. ознаменовался поворотом к романтическим идеалам, и это качественно изменило содержание текстов в азбуках и букварях. Под влиянием сентиментализма и раннего романтизма учебная книга начала ориентироваться не на абстрактного «отрока», а на живого ребенка и его эмоциональное восприятие мира. В букварях и азбуках появились описания бытовых сцен, лирические миниатюры, фольклорные тексты, в которых язык представлял собой не свод правил по грамматике, а изучался как живое художественное слово. Это время можно считать периодом жанрового синкретизма, поскольку педагогические задачи объединялись с целями создать художественно ценный литературный текст, в котором ученик знакомился с авторским стилем, образами персонажей и сюжетом повседневных событий.

В середине XIX века учебные пособия окончательно преодолели границы прикладного библиографического жанра, русская детская литература оформилась как самостоятельная художественная система. Влияние «натуральной школы», психологизм большой прозы проникали в учебные пособия, превращая их в хрестоматии нового типа. Тексты в них, безусловно, иллюстрировали правила чтения, однако при этом выступали и как самостоятельные произведения литературы, с развитым сюжетом, характерами и нравственным подтекстом.

В такой среде формируются условия для появления «Родного слова» К.Д. Ушинского и «Азбуки» Л.Н. Толстого, книг, в которых педагогическая задача подчиняется литературному эксперименту, а процесс чтения впервые становится процессом художественного проживания текста.

Трехвековая эволюция отечественных пособий по обучению грамоте, соответственно, представляет собой не просто механическую адаптацию методик, а последовательное формирование детского читательского сознания. Как подчеркивает В.Г. Маранцман в описании жанрово-композиционного становления детской книги в России, история учебной литературы отражает не столько смену педагогических доктрин, сколько постепенное обретение текстом художественной автономии [3]. Эволюционируя от догматического текста XVI в. со сводом правил к просветительской дидактике XVIII в., содержание букварей и азбук обретает черты художественной литературы. Такой путь развития дает возможность анализировать пособия К.Д. Ушинского и Л.Н. Толстого и как педагогические материалы, и уже как явления национальной словесности, заложившие основы поэтики русской детской прозы.

Знаменитая книга для первоначального чтения «Родное слово для детей младшего возраста» Константина Дмитриевича Ушинского, впервые опубликованная в 1864 г., выдержала 147 переизданий. Имея цель, казалось бы, далекую от целей обучения младшего школьника — подготовить его к изучению грамматики как науки, — К.Д. Ушинский разрабатывал упражнения в занимательной, часто игровой форме, активно использовал фольклорные тексты. Понятие «родного слова» у педагога-просветителя уходило далеко за рамки описания языковых правил; к языку он обращался как к живой речи, передаваемой через образ, ритм и интонацию. Поэтика миниатюр Константина Ушинского объединяла фольклорную традицию и авторскую стилизацию. Ритмизованная проза, интонационная выразительность, использование повторов, синтаксического параллелизма создавали ощущение живой беседы, не лишая при этом текст литературной строгости. Ушинский избегал прямого нравоучения и стремился передать мораль рассказа с помощью художественной силы текста. Нравственный урок возникал не из авторской дидактики, а из самого образа — через изображение природы, быта и человеческих отношений.

Обратимся к миниатюре «Бишка», в которой психологический эффект достоверности достигается в диалоге: собака отвечает мальчику словами как человек. При этом ребенок, читающий текст, чувствует разницу между миром людей и миром животных без дополнительного авторского разъяснения. Суть психологизма Ушинского в этом тексте — в отсутствии «искусственности»: автор не уподобляет собаку людям, но заставляет ее говорить с ребенком понятным ему языком и логически ясно. Такой прием повествования не упрощает, а, наоборот, делает текст многоплановым: собака оказывается не условным символом помощника человека, а героем рассказа-миниатюры.

Переосмысление жанра басни особенно ярко проявляется в обработке сюжета сказки-притчи «Ветер и Солнце». К.Д. Ушинский трансформировал традиционную композицию, отказавшись от представления вывода, «морали» в конце текста и заменив ее стилистическим приемом олицетворения контрастных явлений природы. Коварство Ветра уступило теплу и доброте Солнца, и догадка о превосходстве добра над злом возникает у юного читателя самостоятельно, без прямого авторского объяснения.

Как мы видим на примере «Родного слова», учебная книга постепенно перестает быть монологом учителя и превращается в художественно ценный текст. Такой авторский принцип стал отправной точкой дальнейших литературных поисков и в середине 1870-х годов получил новое развитие в «Азбуке» Л.Н. Толстого.

Если К.Д. Ушинский утверждал в первой книге школьника живое звучание родного языка, то Л.Н. Толстой в некоторой степени подчинил педагогические задачи художественному эксперименту. «Азбука» и «Новая азбука» Толстого писались уже в традиции реалистической прозы малой формы. Основой поэтики становилась «простота»: не упрощение, а художественная задача, основанная на экономии языковых средств, точности детали и отказе от украшения. Таким образом, этическое и эстетическое начала оказывались неразрывны: ясность повествования являлась формой авторской честности, а краткость фразы — условием психологической точности. Л.Н. Толстой тщательно работал над редактурами своих учебных текстов, превращая каждый рассказ в самостоятельное художественное высказывание. Учебный материал для него становился возможностью литературного эксперимента, котором проверялись языковые и содержательные художественные приемы, сопряженные с «большой» прозой [1]. Достоверность во многом достигалась благодаря особенностям организации текстов, для которых был характерен жанровый синтез. В азбуках Л.Н. Толстого рассказ, бытовой очерк, басня и притча сосуществовали, и такое разнообразие жанров позволяло автору вводить юного читателя в различные жизненные ситуации — от простого наблюдения за окружающим миром до глубоких нравственных размышлений, — и при этом не выходить за рамки понятного ребенку жизненного опыта.

Вовлеченность читателя, читательское сопереживание возникало в первую очередь при ознакомлении с произведениями малой формы. В рассказе «Филипок» Толстой описывал несложные события (приход в школу с опозданием, слова строгого, но справедливого учителя, появившаяся возможность продолжать учебу) как будто увиденные глазами Филиппа, мальчика из крестьянской семьи, которому родители разрешили ходить в школу. Каждое новое впечатление передавалось с предельной конкретностью. Сближение восприятия героя и читателя создавало эффект присутствия, превращая учебную задачу в исследование детского сознания. Именно в коротких рассказах особенно ярко раскрывался психологизм Л.Н. Толстого, когда внимание смещалось с событий внешнего мира на душевные переживания героев. В современных исследованиях поэтики толстовских учебных текстов отмечается, что именно отказ от прямой дидактики в пользу художественной убедительности стал принципиальным открытием, определившим дальнейшее развитие всей русской прозы для детей [2].

Например, в миниатюре «Косточка» автор отказывается от прямого нравоучения в финале, сосредотачиваясь на внутреннем конфликте мальчика (выбор между ложью и правдой). Правдивость состояния Вани передается через подтекст и физиологические реакции: слезы, румянец стыда. Благодаря этому нравственный вывод о том, что лгать — плохо, не навязывается автором, а рождается у читателя самостоятельно, становясь результатом искреннего сопереживания герою.

В рассказе «Акула» на первый план выходят динамизм повествования и документальная точность деталей. Резкий переход повествования от мирного пейзажа к экстремальной ситуации задает напряженный ритм событий, когда каждый сюжетный поворот усиливает драматизм происходящего. Картину мирного купания мальчиков и их состязания в плавании внезапно сменяет описание стремительно приближающейся смертельной опасности — хищной акулы. Напряжение усиливается, когда капитан стреляет в акулу, но при этом — и читатель это понимает — снаряд может попасть и в мальчиков. Таким образом, рождается напряженное ожидание трагедии, однако ситуация разрешается самым счастливым образом — снаряд попадает в акулу, мальчики оказываются спасены. У маленького читателя рождается размышление о хрупкости жизни, ответственности взрослого за ребенка и непредсказуемости мгновения, отделяющего благополучие от гибели.

Совершенно иной масштаб эмоций проявляется в рассказе «Лев и собачка». В нем трагический финал (гибель сначала собаки, а потом, от тоски, и ее товарища-льва) сочетается с живыми психологическими портретами животных-героев — что выводит сюжет за рамки традиционной басенной композиции, превращает историю верной дружбы в показ природы истинного сострадания, не знающего видовых границ.

Как мы видим, во всех рассмотренных рассказах Толстой последовательно избегал прямого наставления и назидания и стремился к художественной убедительности. Это формировало нового читателя: ребенок воспринимался не как объект воспитания, а как самостоятельный мыслящий человек, сталкивающийся с понятием морального выбора. Учебный текст превращается в диалог, в котором авторская позиция не доминирует, а приглашает к участию.

Сравнивая пособия по обучению чтению К.Д. Ушинского и Л.Н. Толстого, мы видим не просто разницу в педагогической методике, а два самостоятельных художественных подхода. Оба автора выходят за границы строгой учебной инструкции, но выстраивают разговор с ребенком по-разному. У К.Д. Ушинского текст тяготеет к народной речи: ритмизированная проза (чередование односоставных и двусоставных синтаксических периодов («Сказал, — и начал дуть, что было мочи. Но чем более старался Ветер, тем крепче закутывался путешественник в свой плащ: он ворчал на непогоду, но ехал все дальше и дальше»)), интонации сказителя («У кумушки-лисы зубушки острые, рыльце тоненькое, ушки на макушке, хвостик на отлете, шубка тепленькая»), использование пословиц («Не все то золото, что блестит») создают ощущение живой словесной традиции, в которой ребенок впервые ощущает связь с собственным национальным бытованием и осознает существование этических норм [12, С. 34, 42, 24].

Л.Н. Толстой выбирает иной путь. В его «Азбуке» на первый план выходит не обобщенная народная мудрость, а точная фиксация конкретного случая, бытовой ситуации или внутреннего состояния героя. Поэтика толстовской «Азбуки» определяется экономией синтаксических средств, точностью детали и отказом от стилистической декоративности: «Был мальчик, звали его Филипп. Пошли раз все ребята в школу. Филипп взял шапку и хотел тоже идти. Но мать сказала ему: куда ты, Филипок, собрался?» [10, С. 89].

Основные результаты

Таким образом, если Ушинский обращается к архетипическим структурам фольклора, то Толстой исследует конкретную психологическую ситуацию и фиксирует ее с документальной объективностью. Различия в стиле

повествования столь же существенны. Авторская позиция Ушинского выражается через коллективное «мы»: голос автора часто представлен интонацией рассказчика-наставника и создает атмосферу доверительного диалога. Л.Н. Толстой выстраивает иную модель: авторский голос уступает место внутреннему голосу персонажа. Объективность у Толстого не связана дистанцией автора и событий сюжета — писатель как будто не подсказывает готовый вывод, а приводит юного читателя к личному нравственному определению.

В ходе исследования выявлено, что этическая проблематика развивается в азбуках Ушинского и Толстого по-разному. В «Родном слове» нравственный вывод подсказан самим устройством описываемого мира. Такие ценности, как сострадание или трудолюбие не формулируются в виде прямых наставлений, но становятся очевидными через целостность и бытовую достоверность изображаемой жизни. Толстой избирает иной принцип и представляет моральный аспект, также не формулируя его прямо и позволяя читателю самостоятельно сделать вывод. Однако в его рассказах финал остается открытым, и оценку происходящему предлагается дать читателю. Школьник призван самостоятельно осмыслить ситуацию, опираясь на собственный жизненный опыт, и учебное пособие учит делать самостоятельный нравственный выбор.

Результат исследования показывает, как по-разному представляют правила морали два автора, напрямую влияют на форму читательского отклика. В «Родном слове» Ушинский ориентируется на воспитание носителя национальной культуры: читательское «Я» складывается из усвоения ценностей коллектива, образцов народной мудрости. Тексты Толстого воспитывают другого читателя — самостоятельного интерпретатора, способного к критическому осмыслению. Данные подходы носят взаимодополняющий характер: первый закрепляет культурно-исторические ценности, второй развивает самостоятельность мышления. Ушинский подтвердил важность фольклорных текстов в воспитании — Толстой расширил жанровые возможности литературы для детей за счет приемов психологического реализма. Именно такое объединение авторских целей определило особенности отечественной детской прозы, в которой просветительская функция сочеталась с художественной ценностью текстов.

Азбуки К.Д. Ушинского и Л.Н. Толстого вышли за границы жанров учебных пособий. Став первым опытом систематического художественного чтения для нескольких поколений, они сформировали эстетические ориентиры и заложили основы детского восприятия, которые позже были перенесены в «большую» литературу. В этом смысле учебная книга выступает не как дополнительный жанр, «младший брат» прозы для взрослого читателя, а как инструмент культурного отбора: именно через нее, на этапе обучения чтению, знакомству с печатным словом усваивались повествовательные приемы, развивалось владение родным языком, шло воспитание личности.

Наиболее очевидной линией преемственности в литературе для детей стал толстовский лаконизм и внутренний психологизм. Принцип «простоты», основанный на отказе от риторических украшений и точности детали, напрямую соотносится со стилем повествования А.П. Чехова и И.С. Шмелева. Б.М. Эйхенбаум справедливо указывал, что именно недосказанность формирует «вторую реальность» художественного произведения; чеховский подтекст и шмелевское внимание к внутреннему миру ребенка в ранних рассказах во многом наследуют толстовскому отказу от прямых нравов и его приверженности психологической достоверности [13]. С другой стороны, традиция представления животного не как условного символа — носителя определенного морального качества, — а как объекта психологического наблюдения оказало влияние на развитие жанра анималистического очерка в произведениях М.М. Пришвина, В.В. Бианки и К.Г. Паустовского. Одновременно авторская сосредоточенность на детской точке зрения, бытовая достоверность и живая разговорная речь, выведенные Л.Н. Толстым в «Филиппке» и К.Д. Ушинским в бытовых сценках, подготовили почву для появления великих произведений советской детской прозы авторства В.П. Катаева, Н.Н. Носова и В.Ю. Драгунского.

Не менее значим аспект влияния произведений Ушинского и Толстого на нормативный образовательный процесс. Будучи включенными в школьные программы, тексты авторов перестали быть частными педагогическими опытами. Они сформировали литературный канон, определив устойчивые критерии качества детской литературы: внимание к внутреннему миру ребенка, отказ от излишней сентиментальности, требование художественной и жизненной достоверности.

Заключение

Таким образом, воздействие «Родного слова» и «Азбуки» вышло за рамки педагогической практики и оказало влияние на стилистику, жанровую систему и проблематику отечественной прозы. Изучение этого процесса позволяет не только представлять историю детской литературы описательно, но и проследить, как учебный текст, изначально создававшийся для формирования навыка чтения, становится элементом национальной культуры, важнейшей частью русской литературной традиции.

Конфликт интересов

Не указан.

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование. Но рецензент или автор статьи предпочли не публиковать рецензию к этой статье в открытом доступе. Рецензия может быть предоставлена компетентным органам по запросу.

Conflict of Interest

None declared.

Review

All articles are peer-reviewed. But the reviewer or the author of the article chose not to publish a review of this article in the public domain. The review can be provided to the competent authorities upon request.

Список литературы / References

1. Анисимова Е.Е. Покорение Сибири в художественной оптике Л.Н. Толстого: рассказ «Ермак» в составе «Второй русской книги для чтения» (редакции, поэтика) / Е.Е. Анисимова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2024. — № 3. — С. 45–52.
2. Лучкина О.А. В поисках правды и любви: критики детской литературы о произведениях Л.Н. Толстого / О.А. Лучкина // Ученичество. — 2024. — № 2. — С. 20–32.
3. Маранцман В.Г. Анализ литературного произведения и читательское восприятие школьников (методическое пособие) / В.Г. Маранцман // Избранные труды / Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена. — Санкт-Петербург: РГПУ им. А.И. Герцена, 2023. — Т. I. — С. 17–328.
4. Мечковская Н.Б. Общеобразовательный характер азбук и букварей в восточнославянской традиции XVI–XVII вв. / Н.Б. Мечковская // Проблемы школьного учебника. — Москва, 1990. — Вып. 19: История школьных учебных книг. — С. 126–142.
5. Мошкова Л.В. Восточнославянские буквари XVI в. / Л.В. Мошкова // Проблемы современного образования. — Москва, 2014. — № 4: Первые буквари в Западной и Восточной Европе. — С. 41–43.
6. Миловидов А.И. Описание славяно-русских старопечатных книг Виленской публичной библиотеки / А.И. Миловидов. — Вильна: Тип. А.Г. Сыркина, 1908. — 164 с.
7. Октябрьская О.С. Формирование и развитие жанровой системы в русской детской прозе 1920–50-х годов / О.С. Октябрьская. — Москва: МАКС Пресс, 2016. — С. 9.
8. Перекрестова С.В. Детские пометы и маргиналии в книгах в России XIX – первой половины XX в. / С.В. Перекрестова // История повседневности. — 2024. — № 1. — С. 57–74.
9. Прозоров В.В. Поэтика человеческого общения в очерке К.Д. Ушинского «Поездка за Волхов» / В.В. Прозоров // Жанры речи. — 2023. — № 2 (38). — С. 146–154.
10. Толстой Л.Н. Азбука. Новая азбука / Л.Н. Толстой // Полное собрание сочинений : в 90 т. — Москва: Гослитиздат, 1951. — Т. 21–22. — С. 15–284.
11. Ундольский В.М. Очерк славяно-русской библиографии / В.М. Ундольский // Хронологический указатель славяно-русских книг церковной печати с 1491-го г. по 1864-й г. — Москва: Моск. публичный и Румянцев. музеи, 1871. — 388 с.
12. Ушинский К.Д. Родное слово для детей младшего возраста. Год второй / К.Д. Ушинский. — Санкт-Петербург: Тип. Ф.С. Сучинского, 1870. — 190 с.
13. Эйхенбаум Б.М. Как сделан чеховский рассказ / Б.М. Эйхенбаум // О Чехове: Исследования и статьи. — Ленинград: Советский писатель, 1967. — С. 108–142.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Anisimova E.E. Pokorenie Sibiri v hudozhestvennoj optike L.N. Tolstogo: rasskaz «Ermak» v sostave «Vtoroj russkoj knigi dlja chtenija» (redakcii, poetika) [The conquest of Siberia in the artistic optics of L.N. Tolstoy: the story "Ermak" in the "Second Russian Book for Reading" (editions, poetics)] / E.E. Anisimova // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki [Philological Sciences. Issues of Theory and Practice]. — 2024. — № 3. — P. 45–52. [in Russian]
2. Luchkina O.A. V poiskah pravdy i ljubvi: kritiki detskoj literatury o proizvedenijah L.N. Tolstogo [In search of truth and love: critics of children's literature on the works of L.N. Tolstoy] / O.A. Luchkina // Uchenichestvo [Apprenticeship]. — 2024. — № 2. — P. 20–32. [in Russian]
3. Marancman V.G. Analiz literaturnogo proizvedenija i chitatel'skoe vosprijatie shkol'nikov (metodicheskoe posobie) [Analysis of a literary work and reader perception of schoolchildren (methodological guide)] / V.G. Marancman // Izbrannye trudy / Rossijskij gosudarstvennyj pedagogicheskij universitet im. A.I. Gercena [Selected Works / Herzen State Pedagogical University of Russia]. — Saint Petersburg: RSPU named after A.I. Gercen, 2023. — Vol. I. — P. 17–328. [in Russian]
4. Mechkovskaja N.B. Obshheobrazovatel'nyj harakter azbuk i bukvarej v vostochnoslavjanskoj tradicii XVI–XVII vv. [General educational character of ABC books and primers in the East Slavic tradition of the 16th–17th centuries] / N.B. Mechkovskaja // Problemy shkol'nogo uchebnika [Problems of the School Textbook]. — Moscow, 1990. — Iss. 19: Istorija shkol'nyh uchebnyh knig [History of School Textbooks]. — P. 126–142. [in Russian]
5. Moshkova L.V. Vostochnoslavjanskije bukvari XVI v. [East Slavic primers of the 16th century] / L.V. Moshkova // Problemy sovremennogo obrazovanija [Problems of Modern Education]. — Moscow, 2014. — № 4: Pervye bukvari v Zapadnoj i Vostochnoj Evrope [First primers in Western and Eastern Europe]. — P. 41–43. [in Russian]
6. Milovidov A.I. Opisanie slavyano-russkikh staropechatnyh knig Vilenskoj publichnoj biblioteki [Description of Slavic-Russian old printed books of the Vilna Public Library] / A.I. Milovidov. — Vilna: Printing House of A.G. Syrkina, 1908. — 164 p. [in Russian]
7. Oktjabr'skaja O.S. Formirovanie i razvitie zhanrovoj sistemy v russkoj detskoj proze 1920–50-h godov [Formation and development of the genre system in Russian children's prose of the 1920s–1950s] / O.S. Oktjabr'skaja. — Moscow: MAKS Press, 2016. — P. 9. [in Russian]
8. Perekrstova S.V. Detskie pomety i marginalii v knigah v Rossii XIX – pervoj poloviny XX v. [Children's marks and marginalia in books in Russia in the 19th – first half of the 20th century] / S.V. Perekrstova // Istorija povsednevnosti [History of Everyday Life]. — 2024. — № 1. — P. 57–74. [in Russian]
9. Prozorov V.V. Poetika chelovecheskogo obshhenija v ocherke K.D. Ushinskogo «Poezdka za Volhov» [Poetics of human communication in K.D. Ushinsky's essay "A Trip beyond the Volkhov"] / V.V. Prozorov // Zhanry rechi [Speech Genres]. — 2023. — № 2 (38). — P. 146–154. [in Russian]

10. Tolstoj L.N. Azbuka. Novaja azbuka [ABC Book. New ABC Book] / L.N. Tolstoj // Polnoe sobranie sochinenij : v 90 t. [Complete Works : in 90 vols.]. — Moscow: Goslitizdat, 1951. — Vol. 21–22. — P. 15–284. [in Russian]
11. Undol'skij V.M. Oчерk slavjano-russkoj bibliografii [Essay on Slavic-Russian bibliography] / V.M. Undol'skij // Hronologicheskij ukazatel' slavjano-russkih knig cerkovnoj pečati s 1491-go g. po 1864-j g. [Chronological index of Slavic-Russian books of church printing from 1491 to 1864]. — Moscow: The Moscow Public Museum and the Rummyantsev Museum, 1871. — 388 p. [in Russian]
12. Ushinskij K.D. Rodnoe slovo dlja detej mladshego vozrasta. God vtoroj [Native Word for Younger Children. Second Year] / K.D. Ushinskij. — Saint Petersburg: Printing House of F.S. Sushchinsky, 1870. — 190 p. [in Russian]
13. Jejhenbaum B.M. Kak sdelan chehovskij rasskaz [How Chekhov's story is made] / B.M. Jejhenbaum // O Chehove: Issledovanija i stat'i [On Chekhov: Studies and Articles]. — Leningrad: Soviet Writer, 1967. — P. 108–142. [in Russian]